БИОГРАФИЯ

УДК 94(571.51)614.9

Б.Е. Андюсов

DOI: 10.36718/2500-1825-2019-4-206-210

В.В. ГРИШАЕВ: СИБИРЬ И СИБИРЯКИ*

В предисловии к юбилейному биографическому изданию о Василии Васильевиче было громко заявлено «Гришаев – это история». Во многом автор высказывания прав, налицо заслуженное величие Гришаева как историка, его неразрывная включенность в историческую науку, советскую историю. В своем выступлении я бы хотел добавить и расширить свой постулат – о взаимосвязи В.В. Гришаева и Сибири, сибирской науки, истории Сибири и истории нашей Приенисейской Сибири XX века.

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Василий Васильевич Гришаев был одним из «классиков» кафедры истории как Красноярского университета, так и современного СФУ. Он сорок лет был заведующим кафедрой общественных наук, истории России. Много лет был в центре исторической науки в агроуниверситете. Он автор многих десятков исследований по проблемам советской истории, истории Красноярского края. Как ученого В.В. Гришаева отличали завидная трудоспособность и научная щепетильность, организаторский талант, демократичность, внимательность и доброжелательность, высокопрофессиональные качества редактора научных изданий. Василий Васильевич признавался, что самая его интересная роль – исследователя истории, но именовал себя историком и гражданином. Он был душевным, обаятельным и мягким по характеру человеком, признавался, что ему как заведующему кафедрой порой «не хватает жесткости».

Не раз Василию Васильевичу предлагали, «собравшись с духом, написать историю о себе и тех разных временах, свидетелем-участником которых он был» (дословно). К сожалению, личная скромность Гришаева, недостаток времени или иные причины не позволили довести дело до книги воспоминаний «о времени и о себе».

Остались биографические материалы, краткие тексты друзей, например Ивана Андреевича Прядко и Александра Григорьевича Грязнухина, биографическая статья в «Календаре знаменательных дат Красноярского края 2005 года», записанный для студентов рассказ Василия Васильевича о поступлении и годах учебы в МГУ, а также ответы на вопросы

* Доклад на II национальной научной конференции «Гришаевские чтения», посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева (15 октября 2019 г., г. Красноярск).

отдельных интервью. Все работы ученого строились на основе подлинных источников из сибирских и краевых архивов, на основе их комплексного введения в научное исследование. В этом, замечу, Василий Васильевич Гришаев олицетворял методологию советской исторической науки. Еще один плюс я вижу в многосторонности знаний, опыта, преподавательской работы в области общественных, гуманитарных дисциплин.

Есть еще один фактор «его матерости» как историка, это его альма-матер – исторический факультет Московского государственного университета, куда он поступил в 1952 году, «разрываясь» между историей и физикой. Студенческие годы Гришаева середины 50-х были бурлящим и кипящим временем романтики, энтузиазма и трудового пафоса в единении с учебой, временем агитбригад, походов, поездок на целину. И временем знаменитостей периода оттепели, породившей титанов науки: десять ближайших друзей-сокурсников стали впоследствии видными учеными, докторами исторических наук, профессорами и академиками. Василий Васильевич учился вместе с будущей знаменитостью Юрием Николаевичем Афанасьевым, с которым дружил всю жизнь. Ему повезло сфотографироваться с Н.С. Хрущевым, в 1963-м на молодежном слете встретиться и побеседовать с Ю.А. Гагариным. В юбилейном, 1965 году Василий Васильевич участвовал в 3-часовом общении с Г.К. Жуковым.

И вот, после окончания в 1957-м ведущего университета страны уроженец небольшого села Ушинка из Пензенской области был направлен на комсомольскую работу в Красноярский край секретарем Алтайского райкома ВЛКСМ. Это было время знаменитых первоцелинников. После первых лет работы «зарывное» усердие в труде, что отличало его всю жизнь, повысило до должности Первого секретаря Хакасского комсомола. Затем были аспирантура, и через два года, в 1969 году – избрание заведующим кафедрой истории КПСС Красноярского госуниверситета. Ровно через 10 лет – успешная защита и степень доктора исторических наук. Буквально через год ВАК СССР присвоила ему ученое звание профессора.

Дальнейшая подвижническая деятельность Василия Васильевича была направлена на формирование красноярской школы историков-аграриев, на организацию и проведение многих конференций, открытие в КГУ отделения истории, философии и политологии, специализации «архивоведение», кафедры всеобщей истории.

Предмет гордости В.В. Гришаева было научное руководство и подготовка 28 кандидатов и 3 докторов наук. Им опубликовано 70 научных работ, из них – 5 монографий. Он был заслуженным работником высшей школы РФ, действительным членом Академии социальных наук, лауреатом профессорской премии главы Красноярска.

Главное, в текстах практически всех его научных публикаций, монографиях или даже кратких тезисах конференций неизменно присутствует или исследование краеугольных проблем Сибири, или преломление событий общероссийской истории через сибирскую конкретику. Часто при-

существует лишь краткая ссылка, – «а в Сибири», «в Красноярском крае», но при этом ярко, эмоционально и доказательно, и даже с гордостью, автор выделяет яркие особенности нашей сибирской истории.

Сибирь – богатая земля, и прежде всего ее жителями – сибиряками. Сотни людей приезжало сюда в советское время, а оставались десятки; Сибирь принимала и принимает только «стОящих» людей, таких как Василий Васильевич Гришаев. Приехав в Сибирь в 1957 году, он всю жизнь прожил здесь и нашел вечный покой в этой земле.

В начале 2000-х годов как-то в нашей с ним беседе он вспомнил про переезд и выразился: «Вот так, был пензяк, стал – сибиряк».

Для Василия Васильевича Сибирь стала не просто второй родиной, но стержнем миропонимания и центром эмоционального мироощущения. Даже любимым блюдом он всю жизнь признавал только пельмени; говорил, что «могу кушать их хоть каждый день. И три раза в день!». Он – автор сибирского «лечебного салата» от «сердца и позвоночника» из квашеной капусты, брусники, петрушки, обильно заправленного растительным маслом. Он любил сибирскую природу, тайгу, лес в окрестностях Красноярска. В летний период мог чуть ли не ежедневно часами собирать грибы, выкапывал и высаживал на своей даче саженцы пихты, кедра, рябины.

Сибирь и сибирская тематика отражена в научных исследованиях «"Красный хлебобор": история сибирского колхоза», «Создание волостных Советов крестьянских депутатов», «Финансовая политика в деревне в период становления советской власти», «К вопросу о состоянии исторической науки в Красноярском крае в конце XX – начале XXI столетий», «Об истоках и динамике формирования научной элиты Красноярска», «О всероссийской значимости декабрьских 1905 года событий в Красноярске», «Подлинное народовластие в Красноярске», «XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири», «Наука Красноярска в лицах и трудах ученых».

Особое место занимают его работы «Сельскохозяйственные коммуны Советской России 1917–1929 гг.» и «Коммунары Сибири» о создании сельскохозяйственных коммун в 1920-х гг., переустройстве жизни и быта сибирского крестьянства на новый лад. Прежде всего отметим, что автор акцентирует внимание на людях Сибири – смелых, инициативных, трудолюбивых и с жизненными принципами. Он ясно видит особенности ментальности старожилов, например, в стремлении следовать экономическим идеалам зажиточности, накопительству. И даже мотивацию на коммуну он разглядел в выборе самостоятельности и большей независимости от властей, нежели в государственных советских хозяйствах. Для Гришаева, уроженца деревни, печально то, что люди, будь то белые или красные, неся свою идею миру, позволяют себе распорядиться чужими жизнями. Но автор видит смыслы крестьянской жизни в том, что им просто нужна была спокойная жизнь, и неважно, какими средствами.

Исследователь выявил очень важный момент в том, что Сибирь всегда прибегала к прагматичным нововведениям. Именно наши коммунары в числе первых в стране начали отказываться от уравниловки. Автор видит, что сибиряки были нацелены не на «уравниловку, а на внедрение хозрасчетных отношений в организацию труда, которая помогала коммунарам достичь высокой производительности труда, крепкой сознательной дисциплины и успехов в хозяйственной и культурно-просветительской деятельности». Наши коммуны имели еще одну особенность – лучшую обеспеченность земель, приток новых переселенцев в 20-е годы и широкий разнородный социальный состав коммунаров, подлинное самоуправление.

Когда Гришаев приехал в Красноярский край, ему говорили, что он приехал из России. Поначалу он спрашивал: «А что, Сибирь не Россия?», – ему отвечали, что Сибирь – это Сибирь. Уже через ряд лет в его работах прописаны черты этого регионального самосознания и самоидентификации приенисейских сибиряков. Он лично мне говорил, что приехав в Хакасию в 1950-х годах, запомнил, что русские и хакасы воспринимались здесь одним народом, сибиряками.

Говоря о сибирских работах Василия Васильевича не могу не отметить его публикацию «Маршал Г.К. Жуков о воинах-сибиряках и многом другом из истории Великой Отечественной войны» в сборнике конференции к 55-летию Победы «Сибиряки-красноярцы в Великой Отечественной войне». Это не только память о личной встрече с Полководцем в 1965 году, но и исповедь сибирского историка о воинской славе сибиряков. Видно, что эта тема для него воспринималась историческим и социальным феноменом, что автор близко знаком с исторической, военномемуарной и художественной литературой, публикациями в периодической печати. Для Гришаева военная тема близка и тем, что его дядя, студент истфака МГУ, погиб на фронте.

Мы знаем, что для историка Гришаева были важны социально-политические подходы, но он мыслил и смежными категориями анализа сибирских природных, личностных и ментальных факторов, оказавших существенное влияние на формирование особого характера воина-сибиряка. Именно выдающиеся боевые качества сибиряков высоко оценивал маршал Жуков, другие полководцы. Василий Васильевич поддерживал тезис о суровых климатических условиях Сибири, в котором формировался твердый сибирский характер. В качестве важнейших установок, определяющих сибирский характер при обороне Москвы, он выделил в статье следующие: патриотизм, верность воинскому долгу, стойкость, продуманность и точный расчет, физическую и духовную силу.

И в завершение своего выступления разрешите высказать мою личную благодарность Василию Васильевичу за неоднократное участие в моей профессии историка. Во-первых, в 1974 году, когда мы закончили истфил, он был председателем государственной комиссии и принимал госэкзамен по истории СССР. Когда уехал из Красноярска мой научный ру-

ководитель по теме Кизирской партизанской республики Ю.В. Журов, то по его предложению именно Василий Васильевич готов был продолжить руководство. Работа прервалась вследствие моего выезда на работу в Северо-Енисейск. Впоследствии мы не раз встречались и беседовали на темы партизанского движения в губернии, сибирской истории и традициях старожилов.

Но самое памятное связано с защитой диссертации по реконструкции традиционного сознания крестьян-старожилов Приенисейской Сибири. Благо, сохранилась стенограмма заседания диссертационного совета. Не хочу прослыть в ваших глазах нескромным, но позвольте зачитать краткую цитату из его выступления, в которой присутствует и позиция по Сибири:

«Провести реконструкцию хозяйства, быта, деятельности людей намного проще, чем реконструкцию традиционного сознания. Архисложность темы определяется и отсутствием аналогичных работ. ...Еще несколько лет назад известный историк, академик Гетензон Иосиф Саввич обратился ко мне с предложением: “Когда же вы займетесь проблемой генотипа сибиряка, он же существует”. Я ответил, что не знаю в крае специалиста по данным проблемам. В данном случае, мы практически получили такого специалиста... Влияние сибирского фактора было в истории России довольно заметно. Только сибиряки и выходцы из Сибири открыто выступили против культа личности, сибиряки спасли Москву. Они были адаптированы к экстремальным условиям ноября 1941 г.».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что профессор Гришаев был не только видным историком, но и ведущим специалистом по истории Сибири XX века, изучавшим «изнутри» ее проблемы. Он по-сибирски видел факторы и причины событий, особенности процессов на этой территории, был аналитиком. Он был подлинным сибиряком в своей самоидентификации и носителем сибирского характера. В подтверждение сказанному привожу еще один эпизод.

В тот же день после защиты диссертации, на традиционном фуршете, он обратился ко мне еще с одним откровением: «Много лет я размышлял о том, имею ли право именовать себя настоящим сибиряком. Принятая точка зрения обычно относилась к старожилам Сибири тех, кто здесь родился. Но смущало, что родом я из Пензенской области... А сегодня я услышал в выступлении и прочитал в автореферате, что в XIX веке к старожилам причисляли тех переселенцев, кто прожил здесь 25 и более лет. Вы отсеяли мои сомнения: я живу в Красноярском крае уже 45 лет и, отсюда, я дважды сибиряк!».